

УДК 340.1
ББК 67.0

ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ (ДОКТРИНАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В.В. Трофимов

Статья посвящена проблеме модернизации подходов к осуществлению правового воздействия на современные общественные отношения. Представлен обзор литературы разных периодов истории юридической науки, в которой разрабатывается логика комплексного подхода к построению системы правового регулирования. Обосновывается значимость в современных условиях перехода от политики правовых запретов и ограничений к усилению роли стимулирующих механизмов в праве и правовой системе общества.

Ключевые слова: право, общество, правовая система, модернизация, наука, правовая политика, ограничения, стимулы.

Политико-правовая система современной России столкнулась с целым рядом сложных проблем. В их числе проблема эффективности правовых мероприятий, которые призваны совершенствовать механизм правового регулирования, делать его более динамичным, адекватным социальным запросам и пр. Однако далеко не всегда законодательные решения и соответствующие юридические средства достигают своего результата. Во многом это связано с несколько отстающей от темпа современной правовой жизни концептуальной логикой существующих юридических технологий. На настоящем этапе развития страны, когда отношения в обществе изменились и продолжают трансформироваться, довольно кардинально меняется их содержание и характер, требуются относительно модернизированные подходы к построению механизма правового воздействия.

Как замечается в социальной науке, для современного социума характерны возрастающие сложность, открытость и неустойчивость. В атмосфере этого проблемного пространства складывается принципиально но-

вый тип динамизма взаимоотношений социальных индивидов и общностей. Новый механизм социокультурной динамики становится все более выраженным. Соответственно, нужен новый мир социального знания, которое в условиях отсутствия строгих данностей смогло бы прояснить общую картину перемен, выявить потенциал хаоса, диффузных процессов, а также возможные альтернативы развития [9, с. 3].

Проводя типологию изучаемых науками объектов, В.С. Степин констатирует, что «все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем», которые «требуют для своего освоения особой категориальной сетки» [15, с. 7]. Современное общество, безусловно, относится к разряду подобных объектов и требует в отношении себя особого подхода и в части исследования, и непосредственно в области проблемы осуществления государственного управления и правового воздействия применительно к социальным процессам. Этим обуславливается значимость разработки новых управленческих и юридических алгоритмов как на доктринальном уровне, так и на уровне принятия практических решений. Иными словами, речь может идти о более уверенном

темпе российской политико-правовой системы по пути коренных изменений (модернизации).

Следует заметить, что модернизационные процессы в России идут уже не первый год, при этом они затрагивают различные сферы общественной жизни, в том числе и область правовой надстройки (все ее компоненты, включая законодательство, юридическую практику, правосознание и пр.). Вместе с тем утверждать, что модернизация в праве уже сложившийся факт, думается, пока преждевременно (немало предстоит осуществить в перспективе). Как представляется, модернизацию в праве можно рассматривать и как констатацию факта (существенно обновилось законодательство, модернизация затронула систему правоприменительных органов, стала более совершенной их технологическая база), и как задачу, которая должна решаться в процессе развития политико-правовой системы России.

Понятие «модернизация» в некотором смысле коррелирует с понятием «консервация», само явление модернизации заступает на место консервации тогда, когда отсутствует продукт для консервации. В данном случае можно говорить (с определенной долей условности) о дефиците каких-либо универсальных и, прежде всего, отвечающих современным потребностям правовых технологий, подлежащих сохранению и консервации на будущее время, или, как минимум, отмечать проявление неэффективной работы того, что было создано ранее на уровне практики и на уровне доктрины. Неэффективность правовых технологий, которая может заявлять о себе и непроизвольно и выявляться в ходе правового мониторинга, свидетельствует о том, что необходимо обновление (модернизация) соответствующих подходов к практике правотворчества и правоприменения. Думается, это то, с чем сталкивается современная российская политико-правовая система, отдельные компоненты которой требуют обновления (модернизации), в том числе в части более активного использования стимулирующих механизмов в праве.

Сегодня в российской правовой науке все увереннее высказываются на этот счет, хотя происходит это порой на фоне скорее противоположных тенденций по осуществлению управляющего правового воздействия на

практике, которая идет по пути ограничений, «ручного управления», вместо того, чтобы повышать заинтересованность участников и опираться на системные механизмы. Во многом в связи с этим А.В. Малько, раскрывая природу, социальное назначение и аспект деятельности правовых средств, справедливо указывает: «Становится все более очевидным, что сложноорганизованным системам нельзя навязывать пути их развития. Скорее необходимо понять, как способствовать их собственным тенденциям, как стимулировать их самоорганизацию. То есть проблема управляемого развития включает в себя по сути дела и проблему самоуправляемого развития» [11, с. 161].

В связи с этим, безусловно, меняется и должна меняться «роль права и характер его воздействия на общественные отношения, на поведение субъектов. Наряду с традиционными ограничивающими средствами (запретами, обязанностями, наказаниями, мерами принуждения и т. п.), оно призвано более широко использовать мотивационно-стимулирующие механизмы, которые должны закладываться в соответствующие юридические нормы уже на законодательном уровне и затем эффективно срабатывать в процессе правореализации» [10, с. 198].

Не следует, конечно, впадать в этом плане в какие-либо крайности, используя только стимулирующий инструментарий. Это было бы не только малополезно, но и вредно. Но вместе с тем значение правовых стимулов в контексте тех стратегических и амбициозных целей, которые ставятся перед современной Россией, переоценить сложно. Развитие технологии правового стимулирования можно рассматривать как один из основных векторов модернизации общей технологии правового воздействия на современные общественные отношения. Это определяется, прежде всего, задачами по реформированию экономики, улучшению инвестиционного климата и другими схожими планами.

Кроме того, нельзя упускать из виду такой аспект, как проблему взаимодействия государства и общества. Активное применение позитивного (стимулирующего и обеспечивающего) правового инструментария диктуется необходимостью модернизации общей па-

радикалы в отношениях государство – общество, в которой на смену этатистским представлениям (где государство рассматривается с позиции доминирования) должны прийти образы того, что это прежде всего партнеры, совместно решающие общие задачи. В ином случае государство и общество, существующие в социокультурном контексте как полюса дуальной оппозиции, а потому как противоречивое единство взаимопроникновения и взаимоотталкивания, могут оказаться в ситуации, при которой в силу преобладания последнего процесса начнут развиваться потоки дезорганизации или энтропии, то есть разрушения всеобщего культурного основания соответствующей дуальности [1, с. 67–68].

Такая угроза может быть снята лишь единственным способом – активизацией процесса взаимопроникновения, что возможно лишь через диалог между полюсами. «Монологическая власть не может быть конструктивна по определению, так как она слепа в результате слабости обратной связи, неспособности устойчиво вовлекать значимую часть общества в масштабные качественные изменения» [там же]. Вполне естественно, что способствовать установлению искомого диалога вряд ли смогут запретительные, карающие или даже предписывающие меры, относимые в совокупности в правовой теории главным образом к негативным (правоограничивающим) правовым средствам. Справиться с этой задачей под силу средствам позитивным (правостимулирующим) [12, с. 143].

Необходимо переводить управленческий вектор на более эффективную реализацию способов самоуправления и самоконтроля, решая, таким образом, главную проблему, которая заключается в том, как управлять не управляя, как малым резонансным воздействием (при помощи адекватных средств) подтолкнуть систему на один из собственных и благоприятных для субъекта путей развития. Запреты и ограничения, равно как и сила давления на некоторых участках эволюции систем, также необходимы, но не им должен отдаваться приоритет при работе в сложноорганизованных системах. Управляющее воздействие, отмечается представителями синергетического направления, «должно быть не энергетическим, но топологически правильно организованным. Важна топологическая

конфигурация, симметричная “архитектура” воздействия, а не его интенсивность. Резонансное влияние – это влияние пространственно распределенное. Это определенный укол в надлежащих местах и в определенное время. Существуют определенные “конфигурации ситуаций” в социальной группе или в более широкой социальной среде, когда малые стимулирующие влияния, направленные по определенным адресам, наиболее эффективны» [8, с. 304].

Научный акцент на необходимости смены (модернизации) вектора правового воздействия на общественные отношения (от ограничительной политики к мерам стимулирующего развития) обусловлен достаточно ощутимой переменной в содержании современных общественных отношений. Суть вопроса выразила в выступлении на конференции Европейской социологической ассоциации (сентябрь 2003 г., Испания) Я. Сойсал, президент исполкома Европейской социологической ассоциации: «Перемены нашего времени по своему величию подобны тем, которые случились в период возникновения социологической классики. Смогут ли наши концепции и организационные метафоры трансформировать себя и стать основой новой социологии для осмысления “стареющих” обществ Европы и мира?» [9, с. 3].

Если экстраполировать эту мысль на состояние современной отечественной юридической науки, то окажется, что таковая находится в не менее затруднительной ситуации. Накопив весь основной потенциал во время доминирования административных (командных) методов управления, сегодня юриспруденция просто вынуждена пересматривать многие из своих позиций, в том числе имеющие отношение к характеру (стилю), технологии правового регулирования. В условиях современных общественных отношений традиционные формы и методы социального управления и правового воздействия испытывают кризис эффективности, что далеко не всегда осознается законодателями, которые методично продолжают принимать все новые и новые нормы, вводящие дополнительные запреты и ограничивающие предписания. Очевидно, без ограничений в широком смысле (или без так называемого «кнута») нельзя достичь ожидаемых результатов, но не они должны обладать преимуществом, если есть

планы по реформированию экономики и общества в русле модернизации и инновационного развития. Значит, нужно искать другие подходы к проведению политики правового регулирования. Одним из ответов на данный вопрос можно считать выбор стимулирующего вектора правового воздействия, мотивирующего к развитию, поскольку в стимулах (так же как и в негативных правовых средствах) заложен конструктивный эффект, однако если «ограничения» предотвращают неблагоприятное развитие системы (придавая на время стагнационный режим), то позитивные «стимулы» позволяют продвигаться вперед.

В зарубежной правовой доктрине подобный вывод был сделан уже относительно давно. Так, профессор Туринского университета Норберто Боббио, посвятивший многие свои работы теме «поощрительной функции права», введение «техники поощрений» связывает с необходимостью перехода нормативной системы к активному контролю, делающему главный упор на действии и настраивающему на переход от поведения общественно нежелательного к поведению общественно полезному. Такой вид поведения складывается из добровольного (непринудительного) осуществления позитивных обязанностей (желаемых действий), осуществлять которые, благодаря «поощрительному» порядку, становится доступно (легко), выгодно и даже необходимо [14, с. 130].

На этой основе формируется положительная социальная среда, в которой происходят многочисленные социальные взаимодействия, имеющие положительную направленность, где одни участники заинтересованы в исполнении и даже сверхисполнении своих обязанностей, а другие заинтересованы отвечать им благодарностью, тем самым реализуя свою часть позитивного обязывания. По мнению Н. Боббио, этот процесс сопровождается «все более частым использованием современным государством техники стимулирования... в связи с чем юридический порядок приобретает поощрительную функцию» [там же, с. 129].

Справедливости ради следует заметить, что еще до Н. Боббио в зарубежной юриспруденции (впрочем, как и в отечественной) делались сходные умозаключения, то есть, выводы о мотивирующей роли правовых сти-

мулов. Так, И. Бентам писал: «Счастье отдельных лиц, из которых составляется общество, т. е. их удовольствия и их безопасность, есть цель и единственная цель, которую должен иметь в виду законодатель: это – единственный стандарт, с которым каждое отдельное лицо, насколько это зависит от законодателя, должно бы быть заставлено соотносить свое поведение. Но какова бы ни была та вещь, которую человеку следовало бы сделать, положительно заставить его сделать ее можно только страданием или удовольствием. Бросив общий взгляд на эти два обширных предмета (т. е. удовольствие, или, что одно и то же, свободу от страдания) в смысле конечных причин, необходимо будет взглянуть на страдание и удовольствие само по себе в смысле действенных (efficient) причин или средств.

Можно отличить четыре источника, из которых обыкновенно проистекают удовольствия и страдания; рассматриваемые отдельно, они могут быть названы – физическими, политическими, нравственными и религиозными; и в той мере, в какой удовольствия и страдания, принадлежащие каждому из этих источников, способны давать обязательную силу какому-нибудь закону или правилу поведения, все они могут быть названы санкциями» [4, с. 35]. Английский мыслитель санкции называет источниками страдания и удовольствия, или, иными словами, источниками негативных и благоприятных последствий для лиц, преступающих установленные законодателем стандарты либо сообразующих с ними свое поведение.

В другом своем сочинении, определяя «план Законов вознаградительных», И. Бентам отводил «наградам» (удовольствиям) (или в нашем понимании – стимулам) в системе законодательных средств, может быть, не столь заметное, но весьма важное место: «Удовольствие, то есть, удовольствие от распоряжения законодателя зависящее, есть побудительная причина, сила которой столь надежна, и часть оной, в распоряжении законодателя находящаяся, столь мала, что не возможно подвергнуть зависимости ее предметы первой необходимости. Законы вознаградительные составляют полезное вспомогательное средство; но дабы действительно пособствовать законам иметь должное дей-

ствие, для сего потребна сила, действующая образом постоянным и непремняющимся, каковая и находится в одних только наказаниях. Награда сама по себе может только употреблена быть для произведения услуг чрезвычайных, действий, так сказать, выходящих из обыкновенного круга обязанностей. Иногда главный закон может быть подкреплен двумя вспомогательными законами, кои по свойству своему один другому противны: законом, налагающим наказание в случае непокоривости, и законом, полагающим награду, в случае повиновения» [5, с. 474–475].

Награда, таким образом, не менее весомый рычаг воздействия, чем правовое ограничение, но, как было замечено правоведом, только в сочетании с последним, с чем нельзя не согласиться. Все, однако, зависит от меры и пропорции в соотношении искомых частей. И силовое (принудительное) воздействие, и политику правовых стимулов следует проводить, опираясь на разумные (рациональные основания). Как отмечал представитель эпохи юриспруденции прошлого Феликс Дан, «право не есть политика силы, но проявление разума» (цит. по: [6, с. XXI–XXII]). Его современник А. Тон также верно замечал: «право не есть принуждение, но оно имеет значение побуждения (Motivation) к деятельности» (цит. по: [там же]).

Реальность ли то, что связано с поощрительными технологиями, или только некий прогноз, пожелание на будущее? С одной стороны, поощрительное регулирование, безусловно, было и есть. Поощрительные нормы применялись в качестве правового средства (причем довольно активно) в советское время. Как особая юридическая конструкция они были глубоко разработаны в отечественной правовой доктрине (см. подробнее: [2; 3; 13]). Подобные технологии стараются применять и сегодня. Из актуального можно назвать систему стимулирующих выплат в системе образования (пример, очевидно, не самый показательный, со своими недоработками, но как модель можно принять). Но, с другой стороны, сегодня правовая доктрина говорит об этом подходе как подходе, требующем более последовательного и в чем-то более настойчивого проведения, в силу чего, так или иначе, приходится опираться не на «сущее», а

оперировать категорией «должного». В связи с этим техника поощрений (стимулов в целом) – это то, что требуется развивать и активнее применять, иначе преимущественно с запретами и ограничениями (их относительно высоким удельным весом в действующем праве) система станет закрытой и у нее в конечном итоге ресурсы для самовоспроизводства и саморазвития просто иссякнут. Соответственно, проблемы, которые стоят перед обществом и государством, останутся нерешенными. Подобных ситуаций можно привести немало (слабое развитие малого и среднего бизнеса, неустойчивый инвестиционный климат, претензии к качеству образования, ожидаемый переход к конкурентоспособной экономике и др.). Во всех перечисленных сферах необходимо формировать среду для развития, однако законодательная и управленческая политика строятся в последнее время большей частью на образе «кнута» и воспитании своеобразного страха при посредстве ограничений, обременений, наказаний. Для примера, в котором высказываются некоторые размышления (во многом имеющие смысл и к которым излишним будет прислушаться) о недостаточности стимулирующих механизмов для решения задачи совершенствования системы научно-педагогических кадров, можно обратиться к экспертному заключению ИГП РАН на соответствующую Концепцию [7].

Подводя определенный итог анализу проблемы правового воздействия, отметим несколько ключевых, по нашему мнению, моментов. Во-первых, осуществляя на настоящем этапе развития практику управления, принятия организационных решений и проводимой правовой политики, следует учитывать изменившиеся социальные реалии, в том числе происходящие в современном обществе как сложноорганизованной системе структурные трансформации (стратификационные, ценностные, ментальные и пр.). Во-вторых, в соответствии с этим необходимо формировать адекватную систему способов управления и правового воздействия (главным образом стимулирующих развитие), которые отвечают характеристикам современного общества, позволяют повышать заинтересованность участников социально-экономических процессов, создают предпосылки для самовоспро-

изводства образцов правомерного поведения. И в-третьих, современной правовой доктрине следует нарабатывать соответствующий указанным целям научный аппарат, который при должном восприятии политической и правовой практикой может позволить выработать оптимальные (рациональные) варианты юридико-политических решений, связанных с модернизацией технологии правового воздействия на комплекс современных общественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер, А. С. От диалога к диалогизации (в свете концепции В. Библера) / А. С. Ахиезер, М. А. Шуровский // Вопросы философии. – 2005. – № 3. – С. 67–68.
2. Баранов, В. М. «Поощрительная санкция» в российском праве: реальность или искусственно-ложная юридическая конструкция / В. М. Баранов, И. В. Девяшин, В. В. Чевычелов. – Н. Новгород : НА МВД РФ, 2005. – 76 с.
3. Баранов, В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права / В. М. Баранов ; под ред. М. И. Байтина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 146 с.
4. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М. : РОССПЭН, 1998. – 415 с.
5. Бентам, И. Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении. В 3 т. Т. 1 / И. Бентам. – СПб. : Типография Шнора, 1805. – 532 с.
6. Борзенко, А. Рудольф фон Иеринг и Феликс Дан. Из современного правоведения / А. Бор-

зенко // Иеринг, Р. Интерес и право / Р. Иеринг ; пер. с нем. А. Борзенко. – Ярославль : Тип. губернской земской управы, 1880. – С. XIV–XXX.

7. Заключение Института государства и права РАН на проект Концепции модернизации системы аттестации научных кадров высшей квалификации в Российской Федерации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.igpran.ru/public/zakonoproekty.php>. – Загл. с экрана.

8. Князева, Е. Н. Основания синергетики / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – СПб. : Алетей, 2002. – 414 с.

9. Кравченко, С. А. Социология и вызовы современной социокультурной динамики / С. А. Кравченко, В. Л. Романов // Социологические исследования. – 2004. – № 8. – С. 3–11.

10. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько. – М. : Юрист, 2005. – 250 с.

11. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект / А. В. Малько. – Саратов : Изд-во СГУ, 1994. – 184 с.

12. Малько, А. В. Цели и средства в праве и правовой политике / А. В. Малько, К. В. Шундилов. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Сарат. гос. акад. права», 2003. – 296 с.

13. Поощрительные санкции в праве: реальность и юридическая конструкция : монография / Н. И. Матузов [и др.] ; под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Сарат. гос. акад. права», 2008. – 304 с.

14. Право XX века: идеи и ценности : сб. обзор и рефератов / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. – М. : ИНИОН РАН, 2001. – 328 с.

15. Степин, В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность / В. С. Степин // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 5–17.

THE PROBLEM OF MODERNIZATION OF THE TECHNOLOGY OF LEGAL INFLUENCE ON MODERN SOCIAL RELATIONS (THE DOCTRINAL-JURISTIC ASPECT)

V.V. Trofimov

The article is devoted to the problem of modernization of the approaches to legal implementation influence on social relations. The historical and contemporary juridical materials are given where the logic of comprehensive approach to the system of building of legal regulation is worked out. The significance of the transition from the policy of bans and restrictions to the consolidation of the role of incentive mechanisms in law and judicial system in modern conditions is justified.

Key words: *law, society, law system, modernization, science, law policy, restrictions, incentives.*